

Генри Лайон Олди

Что наша жизнь? – игра...

*Часть сборника
Фанты для фэна (сборник)*

Генри Олди

Что наша жизнь? – игра...

«Автор»

2007

Олди Г. Л.

Что наша жизнь? – игра... / Г. Л. Олди — «Автор», 2007

ISBN 978-5-457-10452-5

«Ты выходишь на сцену, занавес открывается, и за миг до начала спектакля ты бросаешь взгляд в темный зрительный зал, где копится ожидание. Вот она, Бездна Голодных глаз...»

ISBN 978-5-457-10452-5

© Олди Г. Л., 2007
© Автор, 2007

Содержание

I. КОГДА ОН – ФАУСТ, КОГДА – ФАНТАСТ?	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Генри Лайон Олди ЧТО НАША ЖИЗНЬ? – ИГРА...

I. КОГДА ОН – ФАУСТ, КОГДА – ФАНТАСТ?

*Что наша жизнь? – игра
В вопросы и ответы,
В дороги и кюветы,
В «не время» и «пора».*

*Что наша жизнь? – игра
Однажды доиграем
И адом или раем
Расплатимся с утра...*

Ты выходишь на сцену, занавес открывается, и за миг до начала спектакля ты бросаешь взгляд в темный зрительный зал, где копится ожидание.

Вот она, Бездна Голодных глаз.

Одна из проблем интернет-общения: глаз не видно... Отсюда многое проистекает: от немотивированного хамства в спорах до отсутствия в текстах запятых и заглавных букв. Хотя знаки препинания – прямой аналог интонаций и речевых пауз, и безграмотный текст соответствует поспешной, невнятной речи. Все-таки, разговаривая, надо видеть лицо, а не экран, где если что-то и отражается, так лишь твоя собственная физиономия.

Театр, помимо Актера, Режиссера, Художника, обязательно подразумевает еще и Зрителя – сидящего своей попой на продавленном диване или в кресле. Зритель (как и Читатель) не должен лезть на сцену – иначе вместо Театра получится толкотня, пинание локтями и неразбериха. Зритель соучаствует своим присутствием. И экстаз актера в миг кульминации невозможен без катарсиса зрителя, раскрывшего рот в беззвучном вопле.

Таковы две стороны одной медали, и вовсе ни к чему медали становится односторонней.

Один и тот же музыкант, с неизменными отпечатками пальцев, играет этими пальцами на рояле Баха, Брубека и «Мурку». Один и тот же художник с неизменной структурой сетчатки глаза пишет батальную картину маслом, пейзаж акварелью – и рисует карандашный набросок в альбоме случайной подружки. Один и тот же алкаш со стабильным бюджетом (отсутствием одного?) вчера предпочитал денатурат, сегодня – одеколон «Цветочный», а завтра – «Графскую палёную».

При этом разнообразии выбора определить автора, реального автора по «отпечаткам» его личности – не столь уж тяжело. Вон, «Мастер и Маргарита», «Роковые яйца» и «Бег» – вещи уж куда как разные, а все он, родимый, Михаил Афанасьевич... Но внутренняя стабильность (при внешней разности) есть отпечатки мироощущения, собственно личности автора, изменить которую в силах лишь время да он сам, и то не всегда кардинально.

Садясь за новую книгу, остаемся собой. Хорошо это или плохо, но избавиться от «самости» нет ни желания, ни возможности.

Да и не ставится такая удивительная задача.

Итак, начинаем новый спектакль, а режиссер с труппой остались прежними. Но тогда обязательно: вчера это была трагикомедия, а сегодня фарс или драма, вчера – пять актов на

шесть часов действия, а сегодня – одноактовка минут на сорок. Вчера были монументальные декорации и поворотный круг на полсцены, а сегодня – микро-площадка и два стула посередине. Это и есть изменение внешнего при постоянстве внутреннего. Это отражение луны сегодня в море, завтра в речке, а послезавтра – в грязной луже. Луна не меняется, но и назвать отражения идентичными язык не повернется.

Повтори вчерашний спектакль сегодня с микро-вариациями или даже без них – и коммерческий успех обеспечен. Народ поскрипит, но билетик купит... Меняться рискованно. Да, читатель-зритель-потребитель частенько брюзжит: вот это да! – а вон то не «да»... И почему бы им не сотворить родного брательника вон тому шедевр?! – нет, берутся за всякое...

А куда денешься?

Иначе есть риск утонуть в себе-вчерашних и никогда не добраться до себя-завтрашних.

Стремление каждый спектакль решать в новых декорациях – подсознательное, иногда переходящее в осознанное. Лениность души состоит в нежелании шевелиться. Единожды найденные антураж, сюжетный ход, манера, стиль... Легко и приятно начать бродить по кругу, радуя глаз узнаваемыми пейзажами и персонажами. Настолько легко, что и сам не заметишь, как превратишься в осла на привязи.

Но даже ослы иногда ревут, желая продолжить себя.

«Зачатие» книги – всегда разное. Иногда – яркий фрагмент без начала и конца. Иногда – мысль, идея. Иногда – концепция. Иногда – герой. Но, когда начинается работа над книгой, когда зародыш начинает развиваться – осознанная мысль, которую хочешь высказать, и одежды, в которые эта мысль облачится, формируются практически одновременно. Как форма и содержание. Тело и душа. Динамика внешняя и внутренняя. Неразрывно – иначе смерть или уродство. Иногда заранее понимаешь: в других декорациях читателю будет проще воспринять смысл...

Но тут уж ничего не поделать. Раздели – умрет.

В начале новой книги весь ее видеоряд, исторические и смысловые аспекты, способ реализации души, система «словостроительства» возникают сами, намертво приваренные именно к этой книге, и ни к какой другой. Но более глубокая установка, выталкивающая все это к жизни, кричит гласом громким: «Да пребудет взгляд твой вовеки свежим!»

Время ломать стереотипы.

Время не ждет.

Да, становимся старше, ибо таков закон существования. В лучшем смысле, в худшем смысле, во всяких смыслах. Каждый новый текст становится все более въедливым и придирчивым по отношению к своим непутевым создателям. Требуется, дабы его переписывали и редактировали не три раза, а пять. Не позволяет пройти мимо каких-то нюансов, выведенных не так ясно, как ему (тексту) хотелось бы. Заставляет делать многие вещи, иногда в явный ущерб «забойности» внешнего действия. Делает все более интересным сюжет скрытый, «внутренний»: изменения характеров, событийный ряд, вторые планы... Не отпускает вечером, ночью, утром. Раздражает до скрежета зубовного, пока не делается ясным и единственно возможным.

Это не всегда к лучшему. Ибо что есть лучшее? Становишься старше? – меньше зубов, скрипят суставы, пошаливает сердце. Но и прибавляется нечто, плохо выразимое на обыденном уровне. Не лучшее и не худшее – другое. Одни бранят: исписались! Другие радуются: стали тоньше! Третьи вовсе молчат.

Нынче писателю не рекомендуют меняться: опасно. Куда полезнее для здоровья и бюджета строить Вавилонский Столп фанфиков, сиквелов и приквелов...

Догмат рынка!

Когда догмат превращается в камень, загораживающий течение, приходит весенний паводок ереси и смывает запруды. Пожалуй, все мировые религии созданы гениальными еретиками. Будда провозглашал исключительную ересь с точки зрения храмовых брахманов и ашрамных аскетов; Христос был отъявленным еретиком для израильских первосвященников; Муххамад для местных христиан, иудаистов и арабов-идолопоклонников нес ересь, только ересь и ничего, кроме ереси.

Потом ересь канонизируется учениками, побеждает, как единственно верное учение, оформляется сводом правил и инструкций по употреблению, костенеет, мумифицируется и превращается в надгробный памятник самой себе. Истина в последней инстанции спит в хрустальном гробу, пока не является новый ересиарх с поцелуем...

У Гессе, в «Игре в бисер», старый отшельник-исповедник говорит собрату следующее:

– Миряне – это дети, сын мой. А святые – те не приходят исповедоваться к нам. Мы же, ты, я и подобные нам схимники, искатели и отшельники – мы не дети, и не невинны, и нас никакими взбучками не исправишь. Настоящие грешники – это мы, мы, знающие и думающие, мы, вкусившие от древа познания, и нам не пристало обращаться друг с другом, как с детьми, которых посекут-посекут да и отпустят побегать. Мы ведь после исповеди и покаяния не можем убежать назад в детский мир, где справляют праздники, обдeldывают дела, а при случае и убивают друг друга. Грех для нас – не короткий, дурной сон, от которого можно отделаться исповедью и жертвой; мы пребываем в нем, мы никогда не бываем невинны, мы постоянно пребываем в грехе и огне нашей совести, и знаем, что нам никогда не искупить нашей великой вины, разве что после нашей кончины бог помилует нас и простит...

Умри, лучше не ответишь.

Внутри «массовки», превращающей Абсолют в бородастого председателя вселенского собеса, сурово зрящего за нами-шалунами – там, под шелухой и коркой, кроется зерно Постижения, одинаковое для всех, ибо целью ставит наведение моста через пропасть между Богом и Человеком. Зря, что ли, один великий каббалист сказал: «Во взаимоотношениях Б-га и человека первое слово за человеком...» И тогда, при возникновении этого моста, экзистенциальные строки вдохновенного Джаладдина Руми, притчи-парадоксы ироничного Чжуан-цзы, послания неутомимого св. Павла, граничащие с ересью афоризмы мудрого рабби Шимона бар-Йохай или удар палкой скандального китайца Линьцзы – все они выглядят похожими друг на друга, как родные братья, потому что растут из одного корня.

Давайте сравним: «Предложение, смысл которого невозможно постигнуть, сказано до того, как его начали произносить...» Уммона и тютчевское «Мысль изреченная есть ложь...» Важен ли тогда цвет кожи и разрез глаз?

За сим позвольте сыграть на железной флейте.

Не в обиду будь сказано: читатель в большинстве разучился смеяться. Не гоготать над падением в торт, а смеяться. Не ржать над пинком в зад, а улыбаться. Ирония, сарказм, юмор, сатира, пародия, насмешка, розыгрыш – все богатство свели к одному омерзительному словечку: «стёб». Нам внушили, что «все умерли» – единственно верный финал для единственно верной Большой Литературы. Удивительно смешные книги Успенского, Штерна или Лукина издаются удивительно смешными тиражами... Зато апокалиптический кошмар, где в конце все герои лежат на погосте, а матушка-Земля катится в тартарары, подминая оставшихся бедолаг, будет по определению принят на ура.

И назван откровением.

Другое дело, что шут – фигура сложная. И дурацкий колпак в кипении карнавала – под ним может скрываться Рабле, Бахтин или Станислав Ежи Лец. Знаете ведь: есть вещи настолько серьезные, что над ними можно только шутить.

И пусть в одних книгах герой расшибает лоб о предопределенность – это пространство трагедии, это рок трагедии, и именно расшибленным лбом герой может заставить предопре-

деленность хоть на шаг, а отступить. И пусть в книгах других герой пытается найти выход, сделав что-то не по правилам – это пространство драмы, и выход за рамки правил заставляет драму съезживаться и прятаться в темный угол. А комедия поглядывает искоса и, подобно вредным эссеистам, то и дело вставляет и свои пять копеек.

В любом мире есть место смеху.

А ирония – высшая форма чувства юмора.

Фарс – это когда змея комедии кусает сама себя за трагический хвост, замыкая кольцо. Нет ли уже в самом словосочетании «философский боевик», в сопряжении взаимоотрицающих крайностей, помимо прочих смыслов – безусловного фарса? Среди театральных жанров фарс, пожалуй, из самых сложных, – шут, балансирующий на канате несовместимого, голый король на площади. Великие фарсеры – Уленшпигель, Дон Кихот...

«Чем дальше, тем больше» – но куда дальше, и чего больше?!

Спустя время трагедия зачастую становится фарсом, или наоборот. И то, что казалось концом света, пожимает плечами и говорит: «Нам здесь жить...»

А где еще, если не здесь? Любой – абсолютно! – эпизод книги, со всеми его аналогиями, аллюзиями и вторыми планами, космосом и альтернативным прошлым, есть фрагмент нашей обыденной жизни, пропущенной через призму мировосприятия и воображения. В любом герое есть частица автора – иначе он не оживет. Улица Харькова, Хастинапура или Трои – равно улица, по которой мы с вами ходили.

Вон, из окна видно...

Мы все только и делаем, что пишем книгу о жизни, которая вокруг нас. Кричим о том, как трудно в ней оставаться человеком – даже если другие называют тебя нелюдью, героем или Богом. Каждый пашет свою пашню, засевая тем, что имеет. В каком бы мире ты ни порезал палец – больно, и течет кровь. Значит, Мир, как и герой, должен быть один.

Братцы-сестрицы, мы одной крови, из одной школы. Все учились у малоизвестного писателя по имени Жизнь. Били стекла из рогаток – учились. Встречались с девушками – учились. Читали Железны, Басе и Эренбурга – учились. Думали о возвышенном; пили водку; слушали дифирамбы и обидные речи; вот сейчас разговариваем о странном... Чаще всего мы не знали, что учимся, а наивно полагали, что просто бьем, встречаемся, читаем, пьем и так далее. Во всяком случае, сильно надеемся еще некоторое время поучиться. А там перейдем в другой класс, к другому классному руководителю – который на проверку окажется прежним...

Мысли, возникающие при чтении книг, возникают в голове читателя – участника «обычной», повседневной жизни. Книги написаны писателем – который тоже как будто живет не на Марсе. Если говорим о любви и ненависти, чести и предательстве, уважении и презрении – то ли это знание, которое имеет мало общего с обычной жизнью?! Если Одиссей готов перевернуть мир вверх тормашками, лишь бы вернуться домой, к любимым людям; если поэт аль-Мутанабби готов сдохнуть, но не стать должником и марионеткой судьбы; если Геракл и в аду остается Гераклом, а китайский судья Бао согласен умереть в мучениях, но не пойти на поклон к князю Яньло – это тоже не наша жизнь?

Фантастика?

Следуя такой специфической логике, можно прийти к странному выводу: ВСЯ литература имеет мало общего с той иллюзией, какую мы называем реальностью (включая статистические отчеты)! Зачем тогда она нужна? Или полезно смотреть лишь те фильмы, где в титрах написано: «снято по реальным событиям»? – тоже ложь, но она великолепно притворается чудо-правдой...

Споры, кто фантаст, а кто мимо проходил – зряшная трата времени. Просто в определенных кругах за словом «фантаст» закрепилась дурная слава. Ну, примерно как все в штанах, а фантаст – без. Вот Булгаков не стеснялся на титульном листе рукописи «Мастера и

Маргариты» написать своей рукой: «фантастический роман». И современный Бальзаку критик Шале не стеснялся назвать «Шагреновую кожу» – «фантастикой нового времени». А сейчас, выходит, одни тащат, а другие открещиваются.

Лучше тихонько вспомнить из Пастернака:

Так зреют страхи. Как он даст
Звезде превысить досяганье,
Когда он – Фауст, когда – фантаст?
Так начинаются цыгане.

Соотношение перегноя, травы и цветов всегда было и остается по сей день примерно одинаковым. Вал «поп-литературы», некоторое количество добротных книг и редкие шедевры. Только уж надо признать, что критерии определения, что есть что, крайне субъективны. Кому-то и Гессе – «легкое чтиво». «Смысловой» фантастики вполне хватает, но критерии наличия смыслов у каждого свои. Не осуждай, и не осуждаем будешь.

Да, искусство вроде как должно «возвышать над толпой». Беда в другом: кого ни спроси, он себя ни за что не отнесет к толпе. Вот такая странная абберрация сознания. А ширпотреб всегда востребован более чем. На то он и ширпотреб. Чтоб широко потребляли.

Здесь кроется одна тихая опасность. Она заключена в словах: «серая масса», «народные писатели», «низкий интеллектуальный коэффициент». Это слишком легко: читателю обругать тупое быдло (естественно, себя, любимого, вынеся за скобки!), желающее неправильного чтива, писателю снова обругать быдло, не понимающего его высоких устремлений (и снова – за скобки: я мудр, а чернь!..) Истинное мастерство и спокойствие духа кроется в нежелании разделять и, возможно, властвовать. Равно как и в нежелании бежать, дабы возглавить, повести к сверкающим высотам, доказать, что и на камнях растут деревья (нужное подчеркнуть).

Как говаривал буйный патриарх-хулиган Линьцзы: «Лысые ослы! До тех пор, пока вы будете различать Будду и Мару, священное и греховное, мудрость и глупость – вы будете болтаться в колесе Сансары! Бейте их обоих – и Будду, и Мару...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.